

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
------------------	---

I. НАЧАЛО

5 ноября 2019 года

1. КОНЕЦ	9
2. СВИДЕТЕЛИ	18
3. ДРУЗЬЯ	29
4. «ДЖИ-ЛИВИА»	35
5. НЕВИНОВНЫЙ	45
6. МАРТА	53

II. УБИЙСТВО

7. ДЕНЬ ВТОРОЙ: ЖЕРТВЫ	62
8. КРАСКА	74
9. ДЕНЬ ТРЕТИЙ: ЭКСПЕРТЫ	84
10. КИРИЛ	105
11. ИННИС	113

III. МОШЕННИЧЕСТВО

Неделя вторая

12. КАПИТАЛ, ВЛОЖЕННЫЙ С РИСКОМ	140
13. ЕЕ ЗАМЫСЕЛ	148
14. УКПМ	156
15. СЫН СВОЕЙ МАТЕРИ	189
16. ОЛЬГА	196
17. НОЧЬ	209
18. ВЕНДИ ХОХ	214
19. КАК МОЖНО ПОЛУЧИТЬ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ	223

20. СЫН СВОЕГО ОТЦА	234
21. ИННИС ВОЗВРАЩАЕТСЯ	252

IV. ИНСАЙДЕРСКАЯ ТОРГОВЛЯ

22. РЕПОРТЕР	269
23. НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА	297
24. ДОКТОР МАК-ВИ ВЫХОДИТ НА СВИДЕТЕЛЬСКУЮ КАФЕДРУ.	310
25. ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПИНКИ	324
26. ЗАМЕТКИ ШТЕРНА	344

V. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА

27. ОБВИНЕНИЕ ЗАКОНЧИЛО	353
28. ОСКАР	367
29. ДЕЛО ЗА СУДЬЕЙ.	375
30. ПРОЦЕСС С НАРУШЕНИЯМИ	385
31. ПОСЛЕДНИЕ ХОДАТАЙСТВА	397
32. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА	406

VI. ИСХОД

33. ВЕРДИКТ	438
34. НОВОСТИ ОТ ДОНАТЕЛЛЫ	450
35. ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА С МИСС ФЕРНАНДЕС.	458
36. ДОН-ЖУАН В АДУ	475
37. УЖИН	496
38. ДРУГОЙ ДОКТОР ПАФКО	507
39. ВОЗВРАЩЕНИЕ	518
Слова благодарности	540

*Посвящается всем моим внукам —
как уже живущим,
так и тем, кому еще предстоит
появиться на свет*

ПРОЛОГ

Раздается женский крик. Резкий, полный отчаяния звук нарушает торжественную тишину, стоявшую в коридорах старого здания федерального суда, но быстро угасает.

В огромном зале, где идет заседание, на котором председательствует главный судья, все присутствующие встанут с мест. В ходе процесса рассматривается дело об уголовном преследовании медика с мировым именем, и оно широко освещается общенациональными средствами массовой информации. Так что помещение каждый день оказывается до отказа заполненным посетителями. И вот теперь большая часть любопытных вытягивают шеи, пытаясь увидеть то, что только что произошло за барьером из полированного орехового дерева — в месте, предназначенном для участников судебного разбирательства.

Главный советник защиты, мужчина весьма преклонного возраста, но все еще вполне бодрый и имеющий блестящую профессиональную репутацию, только что обмяк и рухнул под стол, отведенный для адвокатов. Его клиент, подсудимый врач, почти такой же пожилой, как и его защитник, стоя на коленях, держит упавшего за запястье неподвижной, безвольно повисшей руки.

— Пульса нет, — громко говорит доктор. — Помогите, пожалуйста!

После этих слов молодая женщина, находящаяся рядом с подсудимым, та самая, из груди которой вырвался первый вскрик, срывается с места и бросается прочь.

На процессе она выступает в роли помощника адвоката. В то же самое время она приходится пожилому защитнику внучкой. Женщина выбегает в центральный проход и мчится к двери. В то же самое время стоящая за спиной доктора дочь адвоката, она же его многолетний деловой партнер, практически полностью парализована охватившим ее ужасом. В течение всей подготовки к процессу, который должен был стать их с отцом последним совместным делом, ее терзали мрачные предчувствия. И вот теперь она раздражается рыданиями и не может произнести ни слова — только слезы потоком струятся по ее щекам из-под очков. Двое обвинителей, федеральный прокурор и его молодой помощник, вскакивают с кресел и торопятся к месту происшествия. Вдвоем они пытаются приподнять неподвижно распростертого на полу пожилого человека.

Главный судья, женщина, облаченная в мантию, тоже порывается броситься туда, где случилось непредвиденное — она надеется взять ситуацию под контроль и избежать паники и беспорядка. Однако тут же осознает, что члены жюри присяжных остаются в зале и все происходит на их глазах. Как и другие любопытные, присяжные заседатели замерли в своей ложе — они словно окаменели, застигнутые врасплох.

— Пожалуйста, удалите из зала присяжных, — громко произносит судья, обращаясь к заместителю начальника аппарата судебных чиновников, а затем снова направляется к месту происшествия.

Чиновник, отвечающий за безопасность в зале суда, одетый в двубортный пиджак и с наушником телесного цвета, вдетым в ухо, бросается через зал заседаний, и, следуя его указаниям, прокуроры не без труда поднимают пожилого адвоката с пола и укладывают на спину на полированный стол из орехового дерева. Дочь адвоката, чтобы облегчить им задачу, предварительно смахивает со стола бумаги и какие-то канцелярские приборы и принадлежности. Старый врач, подсудимый, торопливо расстегивает на адвокате сначала пиджак, потом белую рубашку и обнажает его грудь. В течение нескольких десятилетий защитник и подсудимый были друзьями. Веро-

ятно, по этой причине в прикосновениях доктора к больному можно заметить осторожность и, пожалуй, едва уловимый оттенок нежности. Сначала он прикладывает ухо к груди продолжающего лежать совершенно неподвижно адвоката там, где находится сердце. Затем, прижав к нижней части груди основания обеих ладоней, начинает ритмичными, сильными движениями делать ему непрямой массаж сердца.

— Кто-нибудь, сделайте ему искусственное дыхание! — требует врач.

Судья, которая уже много лет знакома с юристами и со стороны защиты, и со стороны обвинения, первой реагирует на этот призыв. Она пальцами раздвигает бледные губы пострадавшего, накрывает их своим ртом и начинает вдвухать воздух в его дыхательные пути. Это выводит из оцепенения дочь пожилого адвоката, и она сменяет судью после того, как та делает десять или двенадцать глубоких вдохов-выдохов.

Работники прокуратуры и человек, отвечающий за безопасность в зале суда, отступают. По всей видимости, они тем самым пытаются дать доктору больше места. Впрочем, вполне возможно, что для них, как и для остальных присутствующих, вид старого юриста, неподвижно распростертого на столе, словно спартаец на щите, — слишком ужасная, шокирующая картина. Будучи мужчиной скромных габаритов, он тем не менее всегда являлся заметной, пожалуй, даже доминирующей фигурой в зале суда. И вот теперь он на глазах у всех лежит на столе, не подавая признаков жизни, — это в самом деле было печальное зрелище. Грудь его покрыта жидкими завитушками седых волос, а кожа приобрела сероватый оттенок обезжиренного молока. Левая сторона груди кажется немного вдавленной. Кожу под левым соском пересекает шрам от хирургического скальпеля, уходящий вниз, к спине. Очень неуместным кажется трехцветный, красно-бело-синий галстук, который все еще остается на шее адвоката и яркой лентой свисает с обнаженного тела.

Снова появляется молодая женщина, которая кричала, а затем выбежала из зала суда. Она кажется стран-

ной. Не только из-за пирсинга в носу — украшения в виде гвоздя с дюйм длиной, — но и из-за слегка раздраженного и равнодушного тона, которым она общается с окружающими ее людьми.

— В сторону, в сторону, — покрикивает она, идя по проходу и лавируя между окружающими. В правой руке она держит красный пластиковый футляр. Костяшки пальцев окровавлены. Замок на стоящем в коридоре стеклянном шкафчике, где находился дефибриллятор, заело, и женщина после нескольких неудачных попыток его открыть просто разбивает тонкое стекло.

Когда она проходит мимо ближайшего к подиуму ряда посетителей, кто-то из прибывшей на заседание суда многочисленной команды журналистов негромко произносит, обращаясь к стоящему позади коллеге:

— Думаю, у нас тут случай внезапной смерти.

Передав дефибриллятор доктору, молодая женщина поворачивается на каблуках и, указывая пальцем окровавленной руки на репортера, произнесшего эти слова, заявляет:

— Не порите чушь, Стью. Он вовсе не умирает — ничего подобного.

І. НАЧАЛО

5 ноября 2019 года

1. КОНЕЦ

— Уважаемые господа присяжные, леди и джентльмены, — говорит мистер Алехандро Штерн. В течение почти шестидесяти лет он начинал защиту своих клиентов с этой приветственной фразы. И сегодня, произнося ее снова, он ощущает в сердце щемящую грусть. В очередной раз стоя в зале суда, он ясно понимает, что большинство людей живет в непрекращающемся настоящем, которым является реальность. Но, помимо этого, он с железной отчетливостью осознает: его время прошло, ему пора на покой.

— Это конец, — продолжает он. — Для меня.

Не отводя глаз от членов жюри, он нащупывает пальцами и застегивает центральную пуговицу на пиджаке — он всегда, долгие годы, делал так, произнеся свои первые на процессе слова.

— Вы наверняка думаете: «Представитель защиты слишком уж стар». И вы, конечно, правы. По большому счету, противостоять государственным обвинителям в ситуации, когда на чаше весов находится свобода хорошего, порядочного человека, такого как доктор Кірил Пафко — слишком тяжелая задача для человека моего возраста. Так что это судебное разбирательство станет для меня последним.

Сидящая за спиной адвоката главный судья Сонни Клонски издает неопределенный звук, словно пытается негромко кашлянуть, чтобы прочистить горло. Однако мистер Штерн, который знает Сонни уже тридцать лет, понимает, что означает этот звук, как если бы она об-

лекла свои мысли в слова. Смысл его состоял в том, что, если адвокат решит продолжить разговор о личных планах, судья его вежливо прервет.

— И все же отказаться от участия в этом процессе я не мог, — добавляет пожилой защитник.

— Мистер Штерн, — говорит судья Клонски, — может быть, вы перейдете к делу?

Взглянув на судью, сидящую на резной ореховой скамье, Штерн едва заметно кивает. Он привык так делать со времен своего детства, проведенного в Аргентине. В его речи, кстати, все еще слышен небольшой акцент, которого Алехандро Штерн стесняется до сих пор, когда ему доводится слышать свой голос на магнитофонных записях.

— Разумеется, ваша честь, — говорит он и снова устремляет взгляд на присяжных. — Мы с Мартой гордимся тем, что нам доверили встать на защиту доктора Пафко в этот критический момент его долгой и честной жизни. Марта, прошу.

Марта Штерн встает из-за стола защиты и приятной улыбкой приветствует присяжных заседателей. По мнению отца, она принадлежит к тому редкому типу женщин, которые в зрелые годы выглядят гораздо лучше, чем в молодости. Она в хорошей физической форме, тщательно причесана и держится уверенно и непринужденно. Что касается самого Алехандро Штерна, то, в отличие от дочери, старость и болезни, безусловно, наложили отпечаток на его внешность. Тем не менее совершенно очевидно, что они родственники. Оба невысокого роста и крепкого сложения, у обоих весьма схожие крупные черты лица. Кивнув, Марта снова садится рядом с их с отцом помощницей, внучкой Алехандро Штерна, которую зовут Пинки.

Мистер Штерн рукой делает знак своему клиенту.

— Кирил, прошу вас.

Доктор Пафко также встает. В этом его движении чувствуется некоторая скованность, вызванная возрастом, но тем не менее это высокий мужчина, явно тщательно следящий за своей внешностью. Из нагрудного кармана его двубортного пиджака, чуть выше верхней пары золоченых пуговиц, торчит уголок белоснежного шелкового

платка. Седые волосы медика, вокруг макушки тронутые желтизной и заметно редеющие, аккуратно зачесаны назад. Внешнее впечатление несколько портят его зубы — когда он пытается изобразить на лице чарующую улыбку, становится заметно, что они мелкие и кривые.

— Сколько вам лет, Кирил? — спрашивает подсудимого адвокат.

— Семьдесят восемь, — отвечает Пафко без малейшей задержки. Вопрос Штерна, заданный подзащитному на той стадии процесса, когда разговаривать с ним могут только юристы и только по существу дела, явно неуместен. Однако пожилой адвокат, имеющий большой опыт, знает, что обвинение, а именно федеральный прокурор Мозес Эплтон, не станет придирается к мелочам, предпочтя не создавать у присяжных впечатления, будто он пытается скрыть от них какие-то факты. Штерн стремится добиться того, чтобы в первую очередь присяжнике получили впечатление от голоса Кирила. Таким образом адвокат пытается предотвратить их разочарование на случай, если — а Штерн надеется, что так и будет — подсудимому не придется в ходе процесса давать показания, выступая в свою защиту.

— Семьдесят восемь, — повторяет Штерн и покачивает головой в притворном удивлении. — Молодой мужчина, — добавляет он, и после этих слов четырнадцать присяжных, включая двух запасных, улыбаются. — Позвольте мне кое-что рассказать вам о том, на какие доказательства мы будем опираться в деле Кирила Пафко. Он прибыл в США из Аргентины примерно полвека назад, чтобы завершить медицинское образование. Вместе с ним приехала его жена, Донателла. Она сидит вон там, в первом ряду позади него.

Донателла Пафко в самом деле расположилась на скамье за спиной подсудимого. Она на год или два старше Штерна, то есть ей восемьдесят шесть или восемьдесят семь лет. Супруга медика сидит с царственным видом, исполненная собственного достоинства, и выглядит совершенно спокойной. Ее волосы собраны в аккуратный узел, она гордо держит голову, лицо покрыто толстым слоем косметики.